

Из истории государственного руководства высшей школой в России

(проблемы статуса, квалификации, материального положения преподавателей)*

Гуркина Н. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; nina-gurkina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

С целью признания особого статуса представителей профессии указом Президента Российской Федерации В. В. Путина 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. Депутат Государственной Думы РФ О. Н. Смолин назвал проблему статуса преподавателя системной, то есть затрагивающей все элементы и ступени системы образования и требующей решения на уровне государственной власти. Состояние современной высшей школы педагогической и научной общественностью оценивается как кризисное, а проблема статуса профессора и преподавателя отмечается как наиболее острая и «горячая». Исследование государственного управления высшей школой в решении проблем обеспечения статуса, квалификации и материального положения преподавателей необходимо как с научной, так и с социально-практической точки зрения.

В статье привлечено внимание к дореволюционному периоду в истории России, когда складывалась система высшей школы с ее характерными особенностями в законодательном, материально-правовом и других аспектах обеспечения статуса преподавателя, значительно различающегося в высших учебных заведениях различной ведомственной принадлежности. В первое десятилетие советской власти развитие высшего образования привело к значительным негативным изменениям в положении и статусе преподавателя. В 30–40-е годы образовательная политика государства привела к созданию системы образования, получившей всемирное признание. Государственное руководство высшей школой как одну из важнейших задач рассматривало решение проблемы повышения квалификации, социального и материального положения преподавателя. Образ науки, высшей школы, «ученого сословия» не просто менялся в массовом сознании, но и специально формировался как обществом, так и государством. Создать эффективную и конкурентоспособную высшую школу, отвечающую национальным интересам страны, можно только с опорой на оправдавшие себя традиции и несомненные общепризнанные достижения.

Ключевые слова: преподаватель высшей школы, профессор, образовательная политика, статус, квалификация, материальное положение, научная деятельность

Для цитирования: Гуркина Н. К. Из истории государственного руководства высшей школой в России (проблемы статуса, квалификации, материального положения преподавателей) // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 101–112.

From the History of the State Leadership of the Higher School in Russia (Problems of Status, Qualifications, Financial Situation of Teachers)

Nina K. Gurkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; nina-gurkina@yandex.ru

*Статья подготовлена в рамках участия автора в ноябре 2022 г. в Международной научной конференции «Горчаковские чтения». Внимание к отдельным аспектам темы привлекалось также в выступлении на VI Международном Невском форуме в июне 2022 г.

ABSTRACT

In order to recognize the special status of representatives of the profession, the decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin declared 2023 the Year of the Teacher and mentor. The deputy of the State Duma of the Russian Federation O.N. Smolin called the problem of the status of a teacher systemic, that is, affecting all elements and stages of the education system and requiring solutions at the level of state power. The state of modern higher education is assessed by the pedagogical and scientific community as a crisis, and the problems of the status of professor and teacher are noted as the most acute and "hot". The study of public administration of higher education in solving the problems of ensuring the status, qualifications and material position of teachers is necessary both from a scientific and from a socio-practical point of view.

The article draws attention to the pre-revolutionary period in the history of Russia, when the system of higher education was formed with its characteristic features in legislative, substantive and other aspects of ensuring the status of a teacher, which significantly differs in higher educational institutions of various departmental affiliation. In the first decade of Soviet power, the development of higher education led to significant negative changes in the position and status of the applicant. In the 30s and 40s, the educational policy of the state led to the creation of an education system that received worldwide recognition. The state management of the higher school as one of the most important tasks considered the solution of the problem of professional development, social and financial situation of the teacher. The image of science, higher education, and the "scientific class" not only changed in the mass consciousness, but was also specially shaped by both society and the state. It is possible to create an effective and competitive higher school that meets the national interests of the country only with the support of proven traditions and undoubted universally recognized achievements.

Keywords: high school teacher, professor, educational policy, status, qualification, financial situation, scientific activity

For citing: Gurkina N.K. From The History of the State Leadership of the Higher School in Russia (Problems of Status, Qualifications, Financial Situation of Teachers) // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 101–112.

Указом Президента РФ В.В. Путина 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. С 2021 г. 19 ноября — день рождения великого ученого, создателя Московского университета М.В. Ломоносова — отмечается как День работника высшей школы. Поздравляя преподавателей вузов 19 ноября 2022 г., В.В. Путин отметил, что от таланта педагога, его самоотдачи, душевной щедрости, уважения к созидательному, творческому наследию своих предшественников зависит не только подготовка молодежи к самым разным сферам деятельности, но и формирование у молодого поколения ответственной общественной позиции, приверженности к традиционным духовно-нравственным ценностям. Министр высшего образования СССР с 1954 по 1985 г. В.П. Елютин, подчеркивая значение и роль научно-педагогических кадров высшей школы в общественном прогрессе, писал: «Именно преподавателю, призванному сочетать талант ученого с искусством педагога, а глубокоую научную культуру с высоким сознанием своего общественного долга, доверено одно из наиболее сложных и ответственных дел — обучение и воспитание высококвалифицированных специалистов, приобщение их к достижениям человеческой культуры... целенаправленное воздействие на профессиональное и гражданское становление» [8, с. 363].

Истории создания и развития высшего образования в России, эволюции государственной образовательной политики, в том числе решений государства, направленных на обеспечение достойного места преподавателя высшей школы в обществе, посвящена обширная историография [2; 5; 8; 9; 10; 11; 14; 18; 19 и др.]. Разнообразные аспекты истории высшей школы на различных исторических этапах рассматривались как в специальных трудах, так и в работах, посвященных русской и советской культуре, интеллигенции, студенчеству, культурному строительству

и молодежной политике в СССР, истории науки и техники и т. д. В рамках данных исследований изучались вопросы профессиональной подготовки, социального состава и численности, правового и материального положения, профессиональной, научной и общественной деятельности преподавателей высшей школы. Проблема статуса преподавателя высшей школы, ставшая за последние десятилетия одной из самых острых в образовательной среде, что нашло свое отражение в публицистике [6, с. 47–48], стала предметом специального исторического изучения, — пока в основном на уровне статей и выступлений на конференциях [13, 15, 16 и др.]. Состояние современной системы высшего образования, задачи, стоящие перед страной на современном этапе, требуют дальнейшего исследования темы и выработки с учетом исторического опыта государственных решений для сохранения и развития суверенной системы образования в России, в которой роль преподавателя всегда была ключевой.

Высшее образование в России появилось позднее, чем в Европе и полностью по воле государства. В 1687 г. в Москве было открыто Славяно-греко-латинское училище (академия) для подготовки кадров высшего духовенства и государственных чиновников. По инициативе Петра в 1725 г. в новой столице был создан важный научно-просветительский центр — Академия наук с университетом и гимназией. Преподавали в первом университете немецкие профессора, приехавшие в Россию по контракту, впоследствии за границей стали готовить молодых русских профессоров. 25 января 1755 г. императрицей Елизаветой был подписан указ об основании Московского университета. Комментируя образовательную деятельность государства в XVIII в., П. Н. Милюков писал: «Второй опыт устройства высшей общеобразовательной школы в России оказался на первых порах неудачным. На запрос Екатерины о причинах неудачи московские профессора (1765) ссылались на недостаток средств, не позволявший заполнить пустовавшие кафедры, на отсутствие автономии и на тормозящую роль „директора“, — начальника по назначению правительства, который, „не будучи собственно из ученого состояния“, склонен „больше препятствовать, нежели споспешествовать“ развитию университета. Они требовали далее улучшения социального и материального положения профессоров... они настаивали на том, что потом провел Сперанский, — на признании университетского экзамена необходимым условием при поступлении на государственную службу» [12, с. 262]. Очень важными факторами неудовлетворительного положения высшей школы, по мнению Милюкова, являлись — как «отсутствие правильно организованной средней школы» — обязательного условия для качества студенческого контингента, так и в целом, — отсутствие в обществе «потребности в высшем образовании», которое правительству было необходимо «лишь для целей «государственной службы». Удивительная перекличка обнаружилась в реалиях XVIII в. и дня сегодняшнего!

В XIX в. была создана единая система образования с впервые созданным Министерством народного просвещения и целой сетью высших учебных заведений — университетов и специализированных вузов (среди них — Лесной, Технологический, Горный, Электротехнический, Инженеров путей сообщения в Петербурге). К концу века в стране работало 63 высших учебных заведения, к 1917 г. — 124 (65 — государственных и 59 — общественно-частных) [5, с. 39]. Потребностям модернизирующейся страны на рубеже веков ни в количественном, ни в качественном отношении система высшего образования не соответствовала. Перспективный план развития российской высшей школы, включающий открытие новых университетов (к 11 университетам и 40 школам университетского типа) с медицинскими факультетами и других высших учебных заведений, в том числе в отдаленных районах страны, был разработан только в 1916 г. под руководством министра просвещения П. Н. Игнатьева. Наиболее авторитетный специалист по высшей школе дореволю-

ционной России А. Е. Иванов определил ее состояние к февралю 1917 г. как кризисное [10, с. 353].

Образ дореволюционного профессора в массовом сознании часто складывается из стереотипов, почерпнутых из художественной литературы или кинофильмов. Статус профессора и его социокультурный облик, однако, менялись на протяжении десятилетий и зависели от многих факторов. Государственное управление высшей школой и кадровая политика в этой сфере осуществлялись многими ведомствами, среди которых кроме Министерства народного просвещения были Святейший синод, Министерства торговли и промышленности, внутренних дел, земледелия, военного и др. Каждое ведомство разрабатывало свои нормативно-правовые акты, «пробивало» финансирование своих учебных заведений.

Особое место в государственном устройстве Российской империи занимали университеты — учебные заведения со строго определенными функциями, бюджетом, штатами, делопроизводством. Численность студенчества университетов составляла в предреволюционный период около 50% совокупного студенческого контингента [3, с. 151]. В истории российских университетов было 4 устава (кроме учреждающего 1755 г.): 1804 г., 1835 г., 1863 г. (наиболее либеральный из всех дореволюционных), 1884 г. Уставами определялись уровень автономии университетов, учебные планы и программы, порядок выборов (или назначения) на должность и т. д. Содержание и направленность кардинальных статей этих законодательных актов корректировались применительно к изменениям внутривластного политического правительственного курса. Для этой цели вводились также «временные правила», разрабатываемые соответствующими министерствами и ведомствами. В ходе революции 1905 г. были приняты «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» (не всегда впоследствии соблюдаемые), согласно которым восстанавливались выборность профессоров и автономия университетов, ослаблялся надзор за студентами.

Данные о численности профессорско-преподавательского состава в вузах дореволюционной России существенно отличаются в работах разных исследователей. Наиболее высокую цифру — около 6 тыс. чел. [11, с. 97] — большинство историков считают завышенной, так как в вузах, как и в гимназиях, большое распространение получило совместительство. А. Е. Иванов насчитывает в конце XIX в. около 2,5 тыс. профессоров и преподавателей (профессоров около 30%), в 1913–1914 гг. — около 4,5 тыс., при этом 34,5% штатных мест в вузах были вакантными. В 1913 г. только в университетах числилось 655 внештатных преподавателей — приват-доцентов, которые ради заработка были вынуждены совмещать [10, с. 206–207]. Наряду с низкой оплатой труда младших преподавателей причиной нехватки педагогов являлась «крайне несовершенная система подготовки научных кадров высшей школы России». Отсутствовала также единая научно-аттестационная система.

Профессорско-преподавательский корпус высших учебных заведений пополнялся за счет выпускников, защитивших магистерские и докторские диссертации или известных научными публикациями и научно-практическим опытом. Окончательное решение об оставлении способных студентов в учебном заведении принимали соответствующие министерства. Так называемые «профессорские стипендиаты» (аспиранты) получали стипендию — 600 руб., с 1909 г. — 1200. К сожалению, получали государственное вспомоществование менее половины готовящихся к преподавательской деятельности. «Научный труд для многих талантливых ученых ныне превратился в научный аскетизм. Посему и университетские кабинеты и лаборатории значительно опустели, а научная работа в них увяла», — отмечал на совещании 1902 г. по реформе высшей школы профессор Демидовского юридического лица В. Г. Щеглов [10, с. 213]. Далеко не все в таких условиях (как и в современных!) продолжали научную деятельность, но «процесс формирования ученых, пробивав-

шихся в науку как первое поколение интеллигенции, шел непрерывно» [11, с. 98]. Продолжалась демократизация состава преподавателей высшей школы за счет разночинцев. На рубеже веков в науке и преподавании значителен рост представителей второго и третьего поколений российской интеллигенции.

Правовое и материальное положение преподавательского корпуса регламентировалось уставами учебных заведений и ведомственными административными предписаниями. Университетские уставы были образцом для других учебных заведений. Своеобразной иллюстрацией кадровой политики Устава 1884 г. стали слова министра народного просвещения И. Д. Делянова: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом» [10, с. 230]. Защита диссертаций, избрание на должность обычно проходили в учебных заведениях с утверждением (или не утверждением) министром или попечителем учебного округа. В отдельные периоды (1905 г.) удавалось добиваться большей самостоятельности, когда даже кандидатов в ректоры выдвигали советы профессоров. Большинство ведомств предпочитали назначение на должности преподавателей.

Со второй половины XIX в. в стране росло понимание значимости научного знания, высшего образования, повышался социальный престиж людей науки. Профессура, становясь все более заметной стратой российского общества, осознавая свою роль в развитии образования и культуры, вела активную борьбу за свои профессиональные права, которая на рубеже веков часто получала продолжение в общественно-политической борьбе интеллигенции. Требования академических свобод мотивировались потребностями экономического и культурного прогресса России. В 1905 г. был создан либеральный Академический союз, в который вошли 1800 профессоров и преподавателей 39 высших учебных заведений. Почти в полном составе они влились в конституционно-демократическую партию. Примерами участия представителей преподавательского общества в оппозиционных выступлениях, как и примерами репрессивной деятельности царского правительства в отношении ученых и преподавателей высшей школы, наполнены страницы работ В. Р. Лейкиной-Свирской, А. Е. Иванова [11, с. 105–116; 10, с. 230, 242–248], других исследователей истории высшей школы и интеллигенции дореволюционной России. «Русский профессор находится под особым полицейским надзором. Каждый его шаг и каждое неосторожно сказанное слово могут вызвать и не раз вызывали полицейские и административные возмездия, в результате которых являлось прекращение профессорской деятельности, стеснение, а иногда многолетнее ослабление научной работы», — писал В. И. Вернадский [10, с. 243]. Впрочем, как отмечают исследователи высшей школы, общественно-политический облик преподавательского корпуса дореволюционной России был неоднородным, его консервативная часть видела в самодержавии гаранта своих сословных прав и привилегий.

Высокий статус преподавателей высшей школы в дореволюционной России подтверждался их местом в Табеле о рангах. Преподаватель высшей школы соответствовал 7–8-му классу, экстраординарный профессор (без докторской степени) — 6-му классу. Должности профессоров высших учебных заведений соответствовали по чину статскому советнику (5-й класс), как и должности вице-губернаторов, должности ректоров — 4 классу — чинам действительного статского советника, генерал-майора, контр-адмирала, а также губернатора. Профессор, а затем директор Петербургского Электротехнического института Н. Н. Качалов в 1905 г. был назначен губернатором Архангельской губернии. Контр-адмирал Н. А. Римский-Корсаков после двухлетнего губернаторства в той же губернии стал начальником Николаевской морской академии и Морского кадетского корпуса [4].

В заработной плате преподавателей вузов наблюдался «большой разницей». Оплата зависела от ведомственной принадлежности вуза, педагогической нагрузки, стажа, статуса преподавателя, системы гонораров. Начальное профессорское жалование по уставу 1884 г. составляло 2000 руб. (в проектах начала XX в. планировалось поднять его до 4500 руб.). Примерно такую зарплату реально (часто — выше) получали профессора со стажем. В 1902 г. для преподавателей высших учебных заведений была установлена 20% надбавка (не во всех вузах ее получали). За 25 лет стажа выплачивалась пенсия. Педагогическая нагрузка не должна была превышать 10 ч в неделю. Вопрос о повышении заработной платы (особенно это касалось молодых преподавателей без степени) являлся в начале XX в. частью требований реформы высшей школы. В частности, отмечалось, что приват-доценты были обеспечены хуже, чем преподаватели гимназий. Разные штатные оклады имели часто преподаватели не только вузов разной ведомственной принадлежности, но и работающие в вузах одного ведомства и т. п. [11, с. 98–100].

В истории советского периода можно выделить два важных этапа развития высшего образования. Реформы, начавшиеся с 1918 г., привели к заметному понижению статуса преподавателя высшей школы. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» провозглашалось, что каждый, достигший 16 лет, принимается в вузы без экзаменов и предоставления документа о среднем образовании. Обучаться в вузах принятые таким образом студенты (в Московский университет в 1918 г. поступили в 5 раз больше, чем в 1913 г.) не могли, поэтому с 1919 г. была создана «пожарная лестница в вузы» для рабочих (по образному выражению А. В. Луначарского) — рабочие факультеты (рабфаки). Уставом высшей школы 1921 г. ликвидировалась ее автономия, вузы подчинялись советскому правительству в лице Народного комиссариата просвещения, обязательным стало изучение марксистских дисциплин (при этом были закрыты некоторые гуманитарные кафедры и факультеты). В 1922 г. было принято «Положение о высших учебных заведениях» (дополнялось в 1925 г. и в 1928 г.), в котором формулировались основы управления высшей школой и были расширены права профессорско-преподавательского состава [5, с. 39–46].

Отмена в 1919 г. ученых степеней (степень доктора восстановлена в 1926 г.) открыла дорогу в вузы «красной профессуре» — выпускникам специально созданных учебных заведений, ставших центрами марксистского обществоведения. Экспериментальные методы обучения, часто позаимствованные на Западе (бригадно-лабораторный, «малых групп», проектов и др.), входили в практику обучения, некоторые из них (бригадный метод, отмена традиционных экзаменов) стали активно использоваться в первые годы индустриализации в погоне за количеством выпущенных специалистов. Выступавшие как против излишней идеологизации («не вписавшиеся»), так и против дезорганизации учебного процесса и снижения качества образования в результате необоснованных экспериментов, подвергались «чисткам» как со стороны администрации, так и общественных организаций, в том числе студенческих. В 1923 г. более 25% должностей профессоров и ассистентов в вузах были незанятыми [5, с. 48].

Данная сторона работы высшей школы в первые послереволюционные годы в постсоветский период была со многими преувеличениями растиражирована как в научных исследованиях, так и в массовом сознании. Известный историк, специалист по проблемам формирования советской интеллигенции, в своих работах доказывает, что при значительных изменениях в статусе и материальном положении преподавателя высшей школы в послереволюционной России, вызванных часто объективными причинами, правительством принимались реальные усилия и конкретные меры по улучшению материального положения работников высшей школы и «привлечению абсолютного большинства старых «спецов» на сторону советской

власти [16]. Как отмечает другой исследователь, постоянный рост численности вузов в 20-е годы (иногда это были восстановленные после закрытия в годы революции и гражданской войны учебные заведения) приводил к тому, что «уволенные в одном месте преподаватели, как правило, сохраняли свою позицию в другом высшем образовательном учреждении». Численность преподавателей вузов росла из года в год (в частности, с 18 тыс. в 1927/28 уч. году до 47 тыс. в 1930/31 уч. году) [19, с. 169, 171]. Чтобы не возвращаться к вопросу ущемления прав и свобод преподавателей высшей школы в СССР (особенно много внимания уделялось в исследованиях последних десятилетий теме репрессий сталинского периода, которые, безусловно, привели ко многим разрушениям и потерям в высшем образовании), повторим вывод еще одного авторитетного автора — специалиста как по истории медицинского образования в России, так и в целом высшего образования: «Несмотря на все сложности, процесс шел по нарастающей...». Важнейшие для страны задачи высшей школой успешно решались [9, с. 395, 403].

Рост численности вузов продолжался все годы первых пятилеток. К 1941 г. в стране было 817 учебных заведений (в РСФСР — 481), в которых обучались 811,7 тыс. студентов [5, с. 51]. Уже к концу второй пятилетки Советский Союз вышел на первое место в мире по числу учащихся и студентов, по темпам подготовки специалистов. В 1929–1930 гг. вся система высшего и среднего технического образования в связи с значительным ростом инженерно-технических вузов была перестроена. Для заново создававшихся в стране отраслей промышленности создавались специальные вузы и факультеты (с отраслевым управлением), в 1932 г. был создан Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию (упразднен в 1936 г. в связи с созданием Всесоюзного комитета по делам высшей школы). В большинстве областных и республиканских центров страны в эти годы открылись медицинские и педагогические высшие учебные заведения. В 1934 г. были восстановлены исторические факультеты в Московском, Ленинградском, а затем и в других университетах. В вузах страны в предвоенном учебном году работали 61,4 тыс. научных работников и преподавателей [1, с. 187].

В результате целенаправленной государственной политики в 30–40-е годы была в основных чертах сформирована советская система образования. Всеобщность и обязательность образования, устойчивая школьная система с преемственными ступенями и общеобразовательным характером, фундаментальность и системность в содержании образования, повышение роли учительства позволили создать школу, которая существовала весь советский период и «являлась одной из лучших в мире» [6, с. 52]. Реформы 30-х гг. в сфере высшей школы стали частью образовательной политики государства. Принятые в эти годы постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в высшей школе» 1932 г., «О подготовке научных и научно-педагогических кадров работников» 1934 г., «О приеме в вузы и техникумы» 1935 г., «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школой» 1936 г., «Об образовании Всесоюзного комитета по высшей школе при СНК СССР» 1936 г., «Об ученых степенях и званиях» 1937 г. и 1938 г., «О введении штатных должностей и окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах» 1937 г., «Положение об аспирантуре» 1939 г., «О правилах приема в высшие учебные заведения» 1940 г. и др. были направлены не только на решение назревших задач совершенствования высшей школы, адекватной потребностям модернизирующейся и готовящейся к войне страны, но и закладывали основы создания системы высшего образования, нацеленной на перспективы последующего развития.

Рубежным стало постановление 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», в котором «со всей полнотой были обозначены болевые точки высшего образования, четко определены основные направления ор-

ганизации высшей школы...» и механизмы реализации перестройки высшей школы [9, с. 141–142]. Состояние подготовки кадров в высшей школе было признано «неудовлетворительным». Среди недостатков отмечались — необеспеченность вузов научно-педагогическими кадрами, отсутствие соответствующих уровню высшего образования учебных пособий и материальной базы, неудовлетворительный прием («состав студентов засоряется малограмотными, случайными людьми»), использование давно осужденных методов обучения («бригадно-лабораторный»), отсутствие всесторонней воспитательной работы студенчества [7, с. 91–92].

В постановлениях по высшей школе 30-х годов регламентировались все составляющие работы высших учебных заведений. В правилах приема в вузы четко прописывались сроки, перечень документов и вступительных экзаменов, требования к поступающим (были отменены социальные критерии к поступающим, главным стало — «наивысшие оценки»). Основной формой подготовки к вузу провозглашалась средняя школа, перешедшая в эти годы на предметное обучение, значительно повысившая уровень и качество образования. Огромное внимание в школе в эти годы уделялось укреплению «сознательной дисциплины» школьника как основному фактору повышения качества обучения (в 1944 г. была принята Инструкция Наркомпроса о выдаче аттестата об окончании школы только при отличной оценке по поведению) [6, с. 55]. В постановлении 1936 г. имелся раздел «О порядке и дисциплине в высшей школе», где содержался, наряду с другими, пункт о «твердом расписании» дней и часов приема директором, заместителями и деканами факультетов — отдельно для профессорско-преподавательского состава, отдельно — для студентов.

Были установлены сроки начала и окончания занятий, определены количество учебных часов на неделю, обязательность «твердого учебного расписания»: «Учебное расписание вуза должно утверждаться на весь учебный год и опубликовываться перед окончанием текущего года» [7, с. 95]. Были введены единые формы студенческого билета, зачетной книжки и диплома. Устанавливались три вида работы студента с преподавателем: лекции (читаются профессорами и доцентами), практические занятия, производственная практика. Отменялась существующая практика текущего учета успеваемости студентов, устанавливался единственный критерий успеваемости — сдача экзаменов по лекционным курсам (принимаемых лекторами) и зачетов по практическим занятиям. Устанавливались отметки успеваемости — неудовлетворительно, удовлетворительно, отлично (в последующие годы утвердилась пятибалльная система, в 1944 г. была принята Инструкция Наркомпроса о применении пятибалльной системы с критериями оценки знаний учащихся) [7, с. 278–279].

Значительное место в постановлениях 30–40-х годов уделялось совершенствованию учебно-методической работы, в том числе переработке учебных планов, подготовке новых программ и учебников, усилению общетеоретической подготовки специалистов. Огромное внимание уделялось научно-педагогическим кадрам вузов и научных учреждений. Были установлены ученые степени кандидата и доктора наук, ученые звания — ассистента, доцента, профессора. Аспирантура (очная и заочная), созданная постановлением 1925 г., признавалась основной формой подготовки профессорско-преподавательских и научных кадров, определялись четкий порядок зачисления, учебной подготовки аспирантов, их права и обязанности (в частности, обеспечение государственной стипендией на 3 года обучения). В 1938 г. в аспирантуре 288 вузов и 267 научно-исследовательских институтов обучались 13 тыс. аспирантов [8, с. 375]. СНК СССР и ЦК ВКП(б) в постановлении 1936 г. осудили «распространенные среди работников наркоматов и учебных заведений взгляды, что кафедры высших учебных заведений не должны заниматься научно-исследовательской работой, а ограничиваться учебно-

педагогической деятельностью» [7, с. 100–101]. Были введены индивидуальные планы научно-исследовательской работы для каждого сотрудника кафедр, а руководству предписывалось создать все условия для систематического повышения научной квалификации работников. Научно-исследовательская деятельность стала рассматриваться с этого периода как важнейший фактор роста квалификации профессорско-преподавательского состава, как значимое средство совершенствования высшего образования.

Важную роль в улучшении материального положения работников высшей школы сыграло введение штатно-окладной системы для профессорско-преподавательского состава. Низкая оплата труда большинства преподавателей вынуждала их (как в дореволюционные годы) совмещать работу в нескольких учебных заведениях. С 1937/38 учебного года отменялся действующий порядок почасовой оплаты и вводилась система штатных должностей для преподавателей и учебно-вспомогательного персонала (совместительство не приветствовалось). Должностной оклад старшего лаборанта с высшим образованием составлял (в зависимости от стажа) 450–550 руб. преподавателя без степени — 500–600 руб., со степенью — 600–800 руб. Доцент, кандидат наук получал 700–900 руб., профессор, доктор наук — от 1000 до 1300 (стаж свыше 10 лет). Заведующий кафедрой, доктор наук и профессор зарабатывал от 1100 до 1500. Оклад директора вуза 1-й категории составлял 1300 руб. (3-й категории — 1000 руб.). Таким образом подчеркивалось, что главное лицо в высшей школе — доктор наук и профессор. Данное постановление позволило повысить заработную плату преподавателей на 50–100%. Рабочий день преподавателя высшей школы составлял 5 часов и включал чтение лекций, проведение практических занятий, руководство проектированием, консультирование, разработку учебных планов и программ и научно-исследовательскую работу. Работа со студентами в рамках пятичасовой работы должна была составлять от 2 до 2,5 ч для профессора, от 2,5 до 3 ч для доцента [9, с. 144–145].

Преподаватели высшей школы, как и учителя средней, имели право на пенсионное обеспечение после 25 лет работы. Существовали льготы для поступления в вузы детей преподавателей, льготы при обеспечении жилплощадью (впоследствии появилось постановление о выделении дополнительно 12 м² имеющему степень кандидата наук «для кабинета») и т. п. Повышение статуса школьных учителей и преподавателей высшей школы являлось важной частью осуществляемого в стране «культурно-исторического поворота», обеспечивалось силами литературы и искусства, созданием в обществе атмосферы «культы знаний» и стремления к высокой культуре. В постановлении 1936 г. говорилось о предъявлении к высшим учебным заведениям новых, более высоких требований — обеспечить «подготовку высококвалифицированных, политически воспитанных, всесторонне образованных и культурных кадров, обладающих «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество (Ленин)» [7, с. 93]. Образы учителей и ученых в художественной литературе и кинофильмах («Сельская учительница», «Депутат Балтики», «Сердца четырех» и др.) отличаясь иногда противоречивостью, но на видное место выходит «фигура авторитетного ученого, носителя знаний, еще недоступным для большинства... обладающего высочайшим социальным статусом» [17, с. 69].

Созданная государством в 30–40-е годы система образования стала не просто средством преодоления экономической и культурной отсталости страны, но и механизмом ее преобразования и развития во всех сферах жизни, при этом — важнейшим фактором сохранения и воспроизводства цивилизационной идентичности. Советская система образования, нацеленная на развитие и созидание, опиралась на несомненные достижения предшествующего периода развития и традиционные духовно-нравственные ценности. Уважение к знанию, культуре и его носителям являлось важной социокультурной ценностью в России. Высокий статус педагога

средней и высшей школы поддерживался все годы советской власти (правительственные постановления и ведомственные инструкции 40–80-х годов, направленные на решение проблем повышения уровня квалификации преподавателей и их материально-бытового обеспечения, совершенствования форм аттестации педагогических кадров, развития научно-исследовательской деятельности в вузах подробно рассмотрены в работе В.П. Елютина). В 1980 г. в сфере высшего образования работали около 500 тыс. научно-педагогических работников, а в целом в сфере высшего образования — 6 млн [8, с. 6].

Отдельного рассмотрения требует современный период развития высшей школы (архив автора позволяет подготовить специальную статью о месте преподавателя в нынешней вузовской системе). Оценку «неудовлетворительно» (вспомним постановление 1936 г.) высшей школе в обеспечении должного статуса преподавателя пока выставляет в основном преподавательское сообщество в огромном количестве публикаций, постов в интернете, выступлениях на научных конференциях и т. п. Преподаватели поднимают проблемы педагогической нагрузки и «вала» отчетности («тупая бумажная работа»), не оставляющих времени не только на научную работу, но и на жизнь, низкой заработной платы, «нелепых формально-бюрократических требований» со стороны вузовской бюрократии, заимствованных в период нахождения вузов России в Болонской системе форм отчетности о научной работе. Как привнесенную Болонской системой новую тоталитарную идеологию западного общества — «детоцентризм» рассматривают сложившуюся в некоторых вузах систему оценивания учащихся (100-балльная система вместо традиционной пятибалльной, подрывающая основы главного критерия оценки — уровня знаний), «подконтрольность» преподавателей не только менеджерам, но и студентам [18, с. 121]. Большинство национально ориентированных преподавателей, расценивающих свою деятельность не как оказание «услуг», а как миссию, предлагают реальные меры по развитию отечественной высшей школы, не отрывающейся от своих национальных корней, достижений и успехов, проверенных временем. Национальный суверенитет немислим без сохранения духовного суверенитета, обеспечивающегося в том числе и суверенной системой образования.

Целью краткого экскурса в историю государственного управления высшей школой являлась настоятельная потребность для обеспечения наших национальных интересов напомнить о том, что создание системы образования, в которой главное место принадлежало учителю и преподавателю высшей школы, было нашим важнейшим преимуществом, обеспечивающим свершения XX в. и превращение России в сверхдержаву, и реальным вкладом страны в развитие мировой цивилизации.

Литература

1. Вдовин А. И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011.
2. Главацкий М. Е. История формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987.
3. Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР : Сб. статей. М., 1979.
4. Гуркина Н. К. Из высшей школы в губернаторское кресло // Статус преподавателя высшей школы. Традиции и новации. СПб., 2010.
5. Гуркина Н. К. История образовательных учреждений в России (X–XX века). СПб., 2012.
6. Гуркина Н. К. К вопросу об эволюции статуса и социально-культурного облика учителя в XX в. (в преддверии Года учителя в России) // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 13. Вып. 1 (53). СПб., 2022.
7. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг.: сб. документов. Вып. 1, 2. М., Л., 1947.
8. Елютин В. П. Высшая школа в обществе развитого социализма. М., 1980.

9. Ерегина Н. Т. Высшая медицинская школа России. 1917–1953. Ярославль, 2010.
10. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991.
11. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981.
12. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1994.
13. Никуленкова Е. В. Образ «красного профессора» в Советской России в 1920-е годы // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Т. 2. СПб., 2020.
14. Оводенко А. А., Платова Е. Э., Фортунатов В. В. История петербургской интеллигенции. СПб., 2013.
15. Статус преподавателя высшей школы. Межвузовский сб. научных трудов. СПб., 2010.
16. Фортунатов В. В. «Русский ученый — бедняк»: жизнь профессора сто лет назад // Домашняя повседневность населения России: история и современность. Т. 1. СПб., 2022.
17. Фрумкин К. Г. Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М., СПб., 2022.
18. Четверикова О. Н. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России. М., 2015.
19. Шпаковская Л. Л. Политика высшего образования в Европе и России. СПб., 2007.

Об авторе:

Гуркина Нина Константиновна, профессор факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор, nina-gurkina@yandex. ru

References

1. Vdovin A. I. The history of the USSR from Lenin to Gorbachev. M., 2011 (in Rus).
2. Glavatsky M. E. The history of the formation of the intelligentsia in the USSR. Sverdlovsk, 1987 (in Rus).
3. State management of higher education in pre-revolutionary Russia and in the USSR. Collection of articles. M., 1979 (in Rus).
4. Gurkina N. K. From the higher school to the governor's chair // The status of the teacher of the higher school. Traditions and innovations. SPb., 2010 (in Rus).
5. Gurkina N. K. The history of educational institutions in Russia (X–XX century). SPb., 2012 (in Rus).
6. Gurkina N. K. On the question of the evolution of the status and socio-cultural image of the teacher in the twentieth century (on the eve of the Year of the Teacher in Russia) // Scientific works of the North-Western Institute of Management of RANEPA [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhIGS]. Vol. 13. Is. 1 (53). SPb., 2022 (in Rus).
7. Directives of the CPSU(b) and resolutions of the Soviet Government on public education for 1917–1947: collection of documents. Is. 1, 2. M., L., 1947 (in Rus).
8. Elyutin V. P. Higher school in the society of developed socialism. M., 1980 (in Rus).
9. Eregina N. T. Higher Medical School of Russia. 1917–1953. Yaroslavl, 2010 (in Rus).
10. Ivanov A. E. Higher School of Russia at the end of the XIX — early XX century. M., 1991 (in Rus).
11. Leikina-Svirskaya V. R. Russian intelligentsia in the 1900–1917. M., 1981 (in Rus).
12. Milyukov P. N. Essays on the history of Russian culture. 3 vol. Vol. 2. P. 2. M., 1994 (in Rus).
13. Nikulenкова E. V. The image of the “red professor” in Soviet Russia in the 1920s // Re-forms in the daily life of the population of Russia: history and modernity. Vol. 2. SPb., 2020 (in Rus).
14. Ovodenko A. A., Platova E. E., Fortunatov V. V. History of the St. Petersburg intelligentsia. SPb., 2013 (in Rus).
15. Status of a higher school teacher. Intercollegiate Collection of Scientific Papers. SPb., 2010 (in Rus).
16. Fortunatov V. V. “Russian scientist — poor man”: the life of a professor a hundred years ago // Pre-modern everyday life of the population of Russia: history and modernity. Vol. 1. SPb., 2022 (in Rus).
17. Frumkin K. G. Admiring the academic estate: Reflection of the social history of Soviet science

in literature, art and public rhetoric. M., SPb., 2022 (in Rus).

18. Chetverikova O.N. Destruction of the future. Who and how destroys sovereign education in Russia. M., 2015. (in Rus).
19. Shpakovskaya L.L. The policy of higher education in Europe and Russia. SPb., 2007. (in Rus).

About the author:

Nina K. Gurkina, Professor of the Faculty of the State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; nina-gurkina@yandex.ru